

ПРОЛОГ

СССР. Окрестности Озерска.

Сентябрь 1943 г.

— Партизаны! Герр штурмбаннфюрер, партизаны!

Заглянув в подвал, унтер — увалень в промокшем дождевике и каске — вытянулся, ожидая приказа.

Штурмбаннфюрер СС Курт Брюкнер, сутулый, с бледным узким лицом, раздраженно обернулся и, посветив фонариком, посмотрел вверх:

— Партизаны? И далеко?

— Километрах в пяти, за озером, — озабоченно доложил унтер. Круглое, с красными щеками лицо его чем-то напоминало бульдожьё морду. — Хельмут и Ханс утром на рыбалку отправились. Вот и увидали.

— Увидали! — Брюкнер язвительно усмехнулся. — А охрану выставить как следует не пытались? А, господин Ланге? На рыбалку... Или вы думаете, что вы сейчас во Франции, в сороковом году. Увы! Это даже не Эстляндия...

— Так... Посты выставлены в соответствии с уставом строевой службы, господин штурмбаннфюрер! — Ланге выпятил грудь, пытаясь оправдаться.

Вообще-то он был хорошим унтер-офицером, исполнительным и добросовестным служакой... правда, не более того. Но и не менее. А этого уже немало! Попробуйте еще толкового унтера подобрать.

— Ладно, Герхард, вы все сделали правильно. Лучше и впрямь, как говорят русские, соломку подстелить... —

Фонарик в руке штурмбаннфюрера вдруг замигал и погас.

— Черт! — выругался в темноте Брюкнер. — У вас есть фонарик?

— Да, господин штурмбан...

— Так давайте же! Осторожнее, не свалитесь с лестницы...

Заскрипели ступеньки. Яркий луч фонаря осветил сваленный в углу хлам: холсты, подрамники, кисти...

— Ага... Спасибо, Ланге.

Перехватив фонарик, Брюкнер поблагодарил и тут же распорядился отправить к озеру двух человек — наблюдателей.

— Уже отправлены, господин штурмбаннфюрер! — молодежато выкрикнул унтер. — Ефрейторы Райс и Хайнегер. Хорошие бойцы.

— Хорошо. Докладывать каждые полчаса.

Узкий луч метнулся к лестнице.

— Пока свободны, Ланге. Благодарю за службу!

— Хайль Гитлер!

— Хайль... Да, постойте-ка! С чего вы взяли, что партизаны обязательно заглянут в усадьбу?

— У них подводы, господин штурмбаннфюрер. — Голос унтера прозвучал глухо как в подземелье. Так здесь и было подземелье — подвал, вернее сказать, — потайная комната, обнаруженная Брюкнером только вчера.

Заброшенную усадьбу, где располагался приданный Брюкнеру взвод ваффен СС, штурмбаннфюрер при-смотрел еще в конце лета и решил приспособить ее под штаб — в обширном подвале было удобно держать плен-ных и подозрительных. Жалко, от города далековато, да и дороги вот-вот развезет. Впрочем, в последнее время и ситуация изменилась: теперь не о допросах надо ду-

ТАЙНА СТАРОЙ УСАДЬБЫ

мать, а о том, как бы самим ноги унести. Заодно прихватить кое-что из обнаруженных в потайной комнате ценностей, в свое время так и не доставшихся большевикам. Старинные канделябры, серебряная шкатулка — увы, пустая, — пара портретов в больших золоченых рамах и еще кое-что по мелочи. Все для великой Германии, а как же!

— Говорите — подводы? — Герр Брюкнер никогда не разделял насмешек некоторых своих коллег насчет «русиш телеген». И в самом вермахте гужевого транспорта хватало, здоровенные битюги даже пушки таскали, не говоря уж о всем прочем, да и дороги здесь были такие, что иногда только на лошади и проедешь. Даже «Опель Блиц» — на что уж неприхотливая машина, — и тот не выдерживал, застревал.

— Подводы, господин штурмбаннфюрер, — осторожно понимаясь по лестнице, подтвердил унтер. — Хельмут с Хансом видели две. Плюс еще конники — человек двадцать, все с оружием. Думаю, бандиты отправились за продуктами в ближайшее село. А дорога туда одна — как раз через усадьбу. Эх, да где ж эти мадьяры? Союзнички, черт бы их побрал...

С небольшим венгерским отрядом под командованием капитана Гезы Фаркоша люди Брюкнера должны были встретиться еще несколько дней назад, но так и не встретились, и, где носило этих мадьяр, один дьявол знает.

— Понял... — Штурмбаннфюрер кивнул и прищурился. — Докладывайте, и вот еще что... Всем собираться и быть наготове.

Увалень обернулся, удивленно приподняв брови:

— Я верно понял? Мы собираемся уезжать, господин штурмбаннфюрер? Не дождавшись мадьяр?

— Да, уезжаем. И как можно скорее. Фаркоша мы, похоже, не дождемся, а я вовсе не собираюсь сражаться за эти чертовы развалины в одиночку! Думаю, они не стоят крови наших солдат. А с партизанами мы еще повоюем, успеем! Так что действуйте, Герхард.

— Яволь!

Шаги унтера гулким эхом разнеслись по коридору. Скрипнула дверь... Со двора донеслись команды...

Подводы...

Герр Брюкнер покачал головой и еще больше ссутулится. Впрочем, серая полевая форма с серебристыми рунами в петлице очень шла ему. Подтянутый сероглазый брונет, всегда тщательно выбритый, пахнувший дорогим французским одеколоном, Курт всегда нравился женщинам, а вот жена постоянно пилила ее за сутулость... Ну и что с того? Отвоюем — выпрямимся!

Подводы... Пять километров... А три дня кряду дожидало — значит, дорожка та еще. Час, может, даже два... Или не уходить? Просто разбить к чертям всю эту лесную банду? Два десятка бандитов плюс пара подвод... Поставить пулемет на развилке, стрелков — по кустам, рядом... А потом получить свой заслуженный Железный крест! Это если все получится... А если — нет? Если в руки партизанам попадут секретные папки с агентурой? Кого тогда назначат виновным? Правильно, его — Курта Брюкнера, штурмбаннфюрера СС, первого заместителя начальника озерского гестапо. Сам же начальник и сдаст — штандартенфюрер Крюге тот еще лис, от себя беду отводить умеет. За счет подчиненных, само собой... Так что ну их всех к черту, эти дурацкие подвиги, куда лучше действовать по-русски — соломку подстелить...

Итак, минимум час еще есть. И есть еще фургон «Опель Блиц», грузовик вполне надежный. Служебный

ТАЙНА СТАРОЙ УСАДЬБЫ

легковой «Мерседес-Бенц» Бюкнер, отправляясь в леса, благоразумно оставил в Озерске. От усадьбы до шоссе — километра четыре по бездорожью. Грузовик еще ничего, справится, а вот легковая...

Что еще прихватить? Что-нибудь бы для себя, такое, небольшое, чтоб не было этих алчных солдатских взглядов...

Что тут еще осталось-то?

Курт посветил фонарком...

Да, похоже, больше ничего ценного. В углу — пара старых икон, пыльные рамы да детские рисунки — дегенеративная мазня, — все какое-то размытое, в цветных пятнах. Ну и художники, верно — да, рисовал ребенок. Ребенок, не умеющий рисовать. Так, наляпал что-то. Едва угадывается усадьба — только контур да далекий лес — почему-то синий. На другом рисунке — вообще совершенно дикая мазня! Какие-то ворота, дома, чернота и яркие желтые пятна. Вероятно, огни. Или звезды. Тьфу!

А вот иконы, пожалуй, тоже нужно прихватить. Только не для великой Германии — для себя лично. Отправить посылкой домой, в Дрезден...

Черт! Что еще за шаги?

— У них броневики, господин штурмбаннфюрер! — склонившись над люком, нервно доложил унтер. — Наверное, наши, захваченные. Очень скоро будут здесь!

— Едем! — Сунув иконы под мышку, Брюкнер заторопился по лестнице. — Вы идите, идите, Ланге. Я догоню...

Поднявшись, штурмбаннфюрер захлопнул люк, или, вернее, лаз. Крышка закрылась быстро и плотно, так что и подумать невозможно, что внизу — потайная комнатка. Большевики — те не догадались, а Брюкнеру просто повезло. На стене, в нише, висела картина, изображающая индейцев. Все как полагается — мустанги,

томагавки, перья. Только вот компания там была изображена какая-то странная. Судя по прическам и перьям, гуроны и делавары. Вместе, рядом. А ведь эти племена никогда не дружили — заклятые враги! Курт в детстве зачитывался Карлом Маем, играл с друзьями в индейцев и гуронов с делаварами уж никак не спутал бы. Это же полный позор.

Вот и здесь, на картине... Когда пригляделся внимательнее, заметил, что все воины смотрят вниз... куда — на картине было не видно. Но ведь куда-то ж они смотрели? Зачем-то художник так вот нарисовал? Мало того что смотрели, так один делавар еще и прямо указывал томагавком! Словно бы на пол, в этой вот самой нише...

Курт не поленился, встал на колени, пошарил руками... И нашел-таки небольшую зацепочку, потянул...

Правда, найденная «пещера Лехтвейса» оказалась не столь уж и богата сокровищами, больше — всяким хламом. Однако кое-что нашлось... Эти старинные иконы явно чего-то стоят — их можно продать. И может быть, весьма выгодно... Пусть этим займется жена Марта...

Кстати, здесь, в этой комнате, в случае чего можно спрятать вывезенные из соседнего села папки с агентурными делами — архив. Тамошнее отделение гестапо пришлось спешно эвакуировать — опасно стало. Эту миссию и поручили Брюкнеру, а уж в заброшенную усадьбу местного графа Возгринна он заехал сам, присматривая новое место для своей конторы...

— Господин штурмбаннфюрер!

— Иду же. Иду.

«Опель Блиц» уже стоял с заведенным двигателем, все солдаты сидели в кузове. Это так говорится, что взвод, на самом деле осталось всего-то восемь человек, включая

ТАЙНА СТАРОЙ УСАДЬБЫ

унтера Ланге и самого штурмбаннфюрера. Задние двускатные колеса, матерчатый тент, выкрашенная в серо-голубой цвет «фельдграу» кабина, лопата на правом крыле. Машина надежная, даст бог, и сейчас не подведет...

Ланге лично уселся за руль. Брюкнер, забравшись в кабину, оглянулся, бросив последний взгляд на усадьбу, чем-то похожую на финскую мызу. Фундамент из мощных замшелых камней, само же здание — деревянное, выстроенное в стиле классицизм, с колоннами и портиком. Когда-то тщательно выкрашенная, усадьба, верно, смотрелась нарядно, даже с некоторым изяществом. Сейчас краска давно выцвела и облезла, даже какой был цвет изначально, угадать уже было сложно, левое крыло здания покосилось, провалилась крыша, стекла оставались только в правом крыле — до войны его использовали местные колхозники во время уборочной и сенокоса.

— Броневики! — Тронув машину, Ланге бросил взгляд в зеркало. — И это точно не мадьяры!

Сзади слышались выстрелы.

— Партизаны! — переключая передачу, напряженно выкрикнул унтер.

Брюкнер поправил на голове фуражку и усмехнулся:

— Надеюсь, наши солдаты не забыли, зачем им пулемет? Или ожидают приказа?

— Нет, — перекладывая руль, дернул шеей Ланге. — Им приказано стрелять по готовности...

В этот момент слышалась очередь. Машину затрясло — в кузове словно заработала мясорубка или циркулярная пила — так прозвали недавно появившийся на фронте пулемет «МГ-42»!

— Есть! — глянув в зеркало, радостно возопил унтер. — Задымил броневинок! Да с таким пулеметом нам сам черт не брат!

ГЛАВА 1

Бывший райцентр Озерск.

Июнь 1965 г.

— Косинус на синус равно... Ой! Как-то не так все!

Лежавшая на расстеленном недалеке от забора покрывале девушка лет шестнадцати — высокая, с золотистой косою и полной грудью — задумчиво заглянула в синюю общую тетрадь с надписью «Билеты к экзамену» и возмущенно фыркнула:

— Нет, ну надо же! Это что же, я не все записала? Жень, а у тебя?

— А у меня вроде есть. — Загоравшая рядом соседка — худенькая, смуглая брюнеточка с прической каре — поправила задранную к плечам майку. — Да, вроде бы...

Женя пролистала тетрадь — такую же, как у подружки, купленную в канцелярском магазине «Лентагиз» за срок восемь копеек, только с красной корочкой.

— Ну, я же писала, помню... Да где же? — Девушка округлила глаза. — Вот! Теоремы, задачи... Ну, ты слушаешь, Кать?

Катерина между тем перевернулась на спину, закрыла глаза и подставила солнцу живот. Белый матерчатый лифчик и черные купальные трусы — вот и вся одежда.

Загорали подружки... Впрочем, не просто так — заодно готовились к экзаменам за курс восьмилетней или, по-новому, девятилетней школы. Раньше, еще лет пять назад, экзамены сдавали бы после восьмого класса,

а нынче вот — после девятого, а потом еще предстояло учиться в десятом, а одиннадцатого, как в прошлые годы, уже не было! Десятый был выпускной! И еще — одиннадцатый, по программе которого доучивались те, кто был старше подружек на год. В прошлом учебном году, осенью, в школу вернули десятилетку вместо прежней, одиннадцатилетней программы. В следующем 1965/66 учебном году школу оканчивали последние одиннадцатые классы и — одновременно — новые десятые, таким образом, количество выпускников 1966 года автоматически увеличилось в два раза! Вот об этом сейчас и вспомнила Катя.

Открыв глаза, приподняла темные очки а-ля знаменитый польский актер Збигнев Цыбульский и повернула голову:

— Ой, как представляю: это теперь все будут десять классов учиться, и мы — первые! Два года в один. Могли бы и экзамены после девятого отменить, коли такое дело!

— Так после восьмого-то не сдавали, — резонно возразила подружка. — Это сейчас сдают... Ну и мы заодно. Говорят, в каждой республике по-разному.

— Дурдом! Зато школу на год раньше окончим! Представляешь, это же здорово!

— Да уж не совсем, — поправив такие же очки, усмехнулась Женя. — С выпускными-то — полный атас! Это же и мы будем сдавать, и одиннадцатые классы! В два раза больше выпуск! Никаких институтов не хватит. Как говорит моя мама, все мозги прокомпостируют!

— А ты после школы в институт собираешься? — Катя облизнула пересохшие губы и потянулась к бутылочке ситро, лежавшей рядом, в траве. Открыла, сделала пару глотков, протянула подружке. — Будешь?

— Давай.

— Ох, Женька... — Привстав, Катерина накинула на плечи клетчатую рубашку и тяжело вздохнула. — Везет же тебе.

— Чего везет-то?

— Как к тебе хорошо загар прилипает. Вон вся коричневая уже. А я только обгораю.

— Зато у тебя грудь, как у Брижит Бардо — вон какая! — утешила подругу Женька. — А у меня... стыдно смотреть...

— Ничего, вырастет еще!

— Ага, как же...

— Так ты в какой институт собралась? — Катерина улеглась на живот, вытянула ноги. — На кого?

— Ну-у... — задумчиво протянула Женя. — Наверное, в педагогический... или на юриста. Не решила еще. Да время есть подумать.

— А я так вообще не хочу в институт. — Сняв очки, Катя беззаботно рассмеялась. — Сразу бы на работу... Или для начала в какой-нибудь техникум. В любой. В какой — не важно.

— Как это — не важно? — привстав, возмутилась Женька. — Ты же в ветеринарный хотела... Или на агронома.

— Расхотела уже. — Катерина повертела в руках очки. Модные, большие. Точно такие же, как у подружки, предмет зависти многих девчат. Точно такие носил знаменитый польский артист красавчик Збигнев Цыбульский в детективе «Девушка из банка», который подружки как раз недавно посмотрели в клубе. Вернее, пересмотрели, первый-то раз ходили еще в прошлом году, летом. Фильм им очень понравился. Как и очки. Еще бы — в «Лентагизе» такие не купишь, даже в соседнем Тяньске не купишь, пожалуй, только в Москве!

— Знаешь, Жень, я бы, может, замуж... за такого вот, как тот артист, Цыбульский. Как в фильме! Ну, помнишь? Как они приехали на курорт и все такое... Вроде бы как по работе. А потом начали целоваться... Вот такая я эгоистка, да! Мечтаю о личном счастье... Мещанка, ага.

— Ой, ну тебя. — Женька фыркнула. — А кто в комитете комсомола всегда? Кто во всех общественных делах первый? Да мы с тобой, кто же еще-то? Лидка Шетинникова, что ли? Или Ермакова с Лейкиным? Нет! Все Мезенцева да Колесникова, Колесникова да Мезенцева! Не так? Да без вас, товарищ Катерина Мезенцева, весь школьный комсомол рухнет, а ты еще мещанкой себя обзываешь! На других посмотри!

Женька покраснелась, даже поднялась на ноги, правда, тут же уселась на покрывало — с той стороны забора прокатил на мопеде какой-то пацан. А и нечего ему смотреть на загорающих девушек, мал еще!

— Ну ты, Колесникова, даешь! — Катя тоже уселась, скрестив ноги. — Этакую речугу задвинула.

— Так что — не так?

— Все так... Но личного счастья я тоже хочу.

— Кстати, о личном счастье... — поправив маечку, усмехнулась Женька. — Это, случайно, не тебя на мотоцикле видели? С участковым нашим, Дорожкиным...

— Нет, не меня! — Катерина замотала головой и, покраснев до самых ушей, тут же спросила: — А кто это тебе сказал?

— Да бабки у колодца говорили.

— Вот сплетницы старые! Подумаешь, один раз прокатилась...

— Сказали — в синем сатиновом платье!

— И не в сатиновом, а из крепдешина! — не удержавшись, похвалилась Мезенцева. — Отрез в Тянке

достали... тетя Фая, материна подруга. Там же в ателье и пошили.

— А! Так вот ты зачем в Тянск ездила — на примерку?

— Ну да...

Женька склонила голову набок и улыbnулась:

— Вообще, Дорожкин — неплохой парень, серьезный. И уже давно глаз на тебя положил!

— Ой, скажешь тоже...

— Положил-положил, не отпирайся! Пооди, лейтенант уже?

— Лейтенант... А мотоцикл у него — «Ковровец», ужас один! Представляешь — одно сиденье. Так Игорь поролон подложил... И все равно так трясло, до сих пор попа болит!

Девушки разом засмеялись.

— Значит, уже Игорь? — отсмеявшись, прищурилась Женька. — Завидую. Вот честно! Это все потому, что ты красивая. Не то что я... замухрышка какая-то. У тебя вон и грудь, и все... а я...

— Да не переживай ты! — Катерина обняла подругу за плечи. — Ты тоже очень даже ничего, хоть и худенькая... На певицу одну похожа французскую. Ну, помнишь, мы у тебя маленькую пластиночку слушали? Ма жёнессэ фуль кам... ла-ла-ла ла-ла-ла...

— А-а-а! Франсуаза Арди!.. Что, правда, похожа?

— Одно лицо! Только у тебя глаза красивее — синие-синие.

Подружки снова обнялись и рассмеялись.

— Завтра у тебя готовиться будем, — завязывая рубашку узлом на животе, предупредила Катя. — Заодно музыку послушаем. А сейчас пойдём-ка перекусим. Окрошку сделаем. У нас квас на хлебных корках. Ну и в залавке что-нибудь поищем. Мама сказала, чтоб без

нее обедали... Ой, Женька! Боюсь, как бы она не прознала про Анатолия!

— Про какого еще Анатолия? — Колесникова непонимающе сдвинула на лоб очки.

Модные очки эти, к слову сказать, прислал Катин старший брат Максим, вот уже около года служивший в Венгрии. Вот так вот — купил и послал. Две пары. Сестре и ее лучшей подруге. Женька обрадовалась. Она по Максиму еще с шестого класса сохла... Правда, это все в детстве было...

— Знаешь, у нас же с Дорожкиным ничего и нет. Все эти охи-вздохи — в прошлом все, — лукаво взглянув на подругу, призналась Катерина. — Да и простоват Дорожкин. Подумаешь, лейтенант! Тебе, как лучшей подруге, скажу — мне давно уже Анатолий нравится, Толик!

— Что еще за Толик? — Женька вдруг осеклась. — А-а! Уж не Анатолий ли Иванович, кружковод?

— Ну... угадала... — сконфуженно призналась Мезенцева. — Только ты пока — тсс... никому.

— А я-то думаю: с чего это ты в фотокружок записалась? Меня еще потянула... А ты вот оно что... Ну... Анатолий Иванович — мужчина красивый, видный... И на артиста Цыбульского похож — да! Только... не слишком ли для тебя старый?

— На десять лет всего-то! — с вызовом бросила Катя. — У меня, между прочим, папа старше мамы на двенадцать лет был. И ничего! Кабы не война проклятая, не раны, так до сих пор бы и жил...

— Да, война... — Женька вслед за подругой поднялась по крыльцу на веранду — летом Мезенцевы там частенько обедали. — Что же до того, что старше... Тетя Вера — женщина не такая уж и строгая. Не как иные, узнает — уж точно не прогонит и не изобьет.

Отца в семье Мезенцевых не было — умер от полученных на фронте ран. Мать же, Веру Ивановну, все в городке уважали и любили за легкость в общении и надежный характер.

— Так-то оно так, — доставая из залавка бидончик с квасом, вздохнула Катя. — Да Толику все девки на танцах глазки строят... Курвищи! Особенно Светка Кротова из десятого «Б»! Вот ведь...

— Ладно тебе ругаться-то... — Женя вымыла под рукомойником руки и обернулась. — Где у тебя ножик? Ого — колбаска! «Докторская», без жира! Откуда взяли?

— В леспромхозовском магазине выбросили.

— Здорово!

— Еще бы! — Катька наклонилась и принялась шарить в залавке. — Жаль, огурчики еще не пошли... Ага, вот и сметана! И мелкий лук... Чего еще надо?

— Еще яйцо бы.

— Так вот они, яйца-то. На той неделе в «Заре» взяли. Представляешь, без всякой очереди.

— Ну, в «Зарю» не за яйцами, за вином ходят. Ой, какие крупные! По рубль пять?

— Рубль тридцать!

— Дорого. Потому, наверное, и без очереди. Давай только одно сварим — нам хватит как раз.

— Нет, лучше два. — Катерина задумалась, помотала головой. — Мама с работы придет — тоже окрошку покушает.

— Верно.

Поставив варить яйца, девчонки нарезали аккуратными кубиками колбасу, покрошили тонкий лучок-порей да сбегали на огород — нарвали только что появившуюся молоденькую ботву. Все — на окрошку.

Вообще, времена нынче стояли не голодные, но и не очень-то сытые. Слава богу, волюнтаризм до городка докатился не особенно сильно — голодных бунтов не случилось. Однако приусадебные участки порезали, да со скотом и с домашней птицей стало куда хуже. В продуктовых магазинах все доставалось с очередями — даже за хлебом очередь, что же касается рынка, так там сразу после денежной реформы цены скакнули в разы и с тех пор толком так и не опустились.

Весна, начало лета — самое голодное время. Все прошлогодние запасы подъедены, а нового еще ничего не narosло. Еще месяцок — и пойдут овощи: лук, редиска, морковь со свеклою, а там и до картошки недалеко. Да и в лесу, рядом, — ягоды да грибы. Бери — не хочу, множество.

— Завтра пластинки послушаем. — Наливая в чугунок квас, Катерина подмигнула подруге. — «Лучший город земли» есть у тебя?

— Есть.

— Обожаю Магомаева! А еще что новенького? Не присылали из Риги?

Старшая сестра Женьки Лена вышла замуж за моряка, старпома из Риги. Туда и переехала и работала на радиозаводе ВЭФ. Женька ездила в Ригу почти каждые каникулы, покупала модные пластинки, которые потом слушала дома на проигрывателе-чемоданчике «Юбилейный». У Колесниковых еще была радиола «Ригонда», но эта считалась как бы родительская, «чемоданчик» же был подарен лично Женечке.

— Ну, кое-что прислали. — Очистив яйца от скорлупы, Колесникова потянулась к ножичку. — Да и сама весной ездила, купила ансамбль «Дружба». Наш, ленинградский...

— А! — перемешивая окрошку, вспомнила Катя. — Там еще девушка поет... похоже, нерусская.

— Эдита Пьеха.

— Ах, да-да! Так, говоришь, есть у тебя?

— Да, завтра послушаем.

Вытерев стол, Катерина разлила по тарелкам окрошку:

— Пожалуйста.

— Ой, как много-то! — округлив глаза, запротестовала Женя. — Я столько не съем.

— Съешь-съешь! Иначе грудь не вырастет!

Подружки от души расхохотались.

— Ой, хлеб-то забыла! — Вспомнив, Катерина вскочила со стула и убежала в дом. Вернулась с двумя кусочками черного, заодно включила обычное проводное радио, тут же запевшее песню про валенки, что «не подшиты — стареньки».

— О, «В рабочий полдень»! — обрадовалась Женька. — В прошлый раз Магомаева твоего передавали.

— «Лучший город земли»?

— Не, поспокойнее что-то... Может, и сейчас услышим чего...

— Да ты кушай, кушай! Ложку-то мимо рта не проноси.

— Это кто проносит?

Между тем по радио наконец закончили с «Валенками»...

— А теперь работники колхоза «Новый путь» Ленинградской области просят передать для своего агронома, Героя Социалистического Труда Валентины Ивановны Петровской какую-нибудь хорошую песню... Валентине Ивановне недавно исполнилось пятьдесят пять лет...

— Ой, Магомаева бы! — взмолилась Катя.

— Что ж, уважаемая Валентина Иванова, принимайте музыкальный подарок! — напрочь проигнорировав деви-

чьи просьбы, торжественно возвестило радио. — Выступает молодая эстрадная артистка Тамара Миансарова. Музыка Юрия Саульского, стихи Михаила Танича. Шуточная песня «Черный кот»!

— Ко-о-от!!! — дружно выдохнули девчонки и, бросив недоеденную окрошку, тут же пустились в пляс.

Жила да был, черный кот за углом,
И кота ненавидел весь дом!

Ах, видели бы учителя! М-да-а...

— Только черному коту и не везет!

— Ну вот! А ты говорила — «Валенки»!

— Ничего я такого не говорила!

После «Кота» началась передача про Нобелевскую премию знаменитого писателя Шолохова. Подружки это не слушали и, быстро уgomонившись, доели-таки окрошку.

— Хорошо у вас — радио можно и на веранде слушать, — облизав ложку, одобрительно покивала Женечка.

Катя потянулась:

— Так Максим еще года три назад протянул провод.

Старший брат Катерины Максим неплохо разобрался в радиотехнике, даже когда-то ходил в радиокружок в местный Дом пионеров и школьников. Правда, после школы в радиотехникум не поехал, а выучился в местном училище на шофера, а по весне был призван в армию. Попал служить в Венгрию, сначала — в город Секешфехервар, а нынче вот — в Будапешт, в столицу. Собственно, это было все, что подружки знали о Максиме. Ничего более конкретного он им не писал, не имел права.

— Макс-то пишет? — посмотрев в окно, тихо спросила Женька.

— Да пишет... — Катя принялась мыть посуду в ручной мойнике. — Тебе ведь тоже...

— Редко. На четыре моих письма — одно ответное.

— Слушай! — резко обернулась Катерина. — Я ему напишу, чтоб он чаще...

— Да нет, что ты! Не надо.

— Хотя он и нам-то нечасто... Видать, служба такая. Армия — это тебе не детский сад! Тем более за границей. Кого попало не пошлют.

— Это уж точно... — Чуть помолчав, Женька вскинула брови. — Ну, что? Еще чуть-чуть поучим?

Катя покусала губы:

— Знаешь что... А давай перерывчик устроим? Ну, прогуляемся, что ли. А то башка уже не варит совсем! Анатолий Иваныч, кстати, просил зайти... Что-то там насчет практики.

— Ах, Анатолий Ива-а-аныч, — лукаво прищурилась Женечка. — Вот оно в чем дело-то! Так и сходи прогуляйся, а я домой...

— Ну, Женюль... — Катя взяла подружку за руку и жалобно заглянула в глаза. — Ну, пойдем, ну, пожалуйста. Ну, как я одна-то? И так уж все сплетни свели...

— А если вдвоем, так не сведут?

— Вдвоем — совсем другое дело, — серьезно отозвалась Мезенцева. — Тем более — с тобой. Ты у нас человек положительный, ответственный...

— Ладно, уговорила. — Женька махнула рукой. — Пошли. День-то какой! И вправду, чего дома сидеть?

— Я сейчас переоденусь и — айда. Я быстро.

Дожидааясь подружку, Женька натянула треники и вышла на крыльцо, бросила взгляд на старый сарай — летнее обиталище Макса. Ах, Максим, Максим... были же времена когда-то... И не так уж давно. Когда — вместе, вдвоем...

За сараем Максим всегда приглядывал лично — перед самой армией даже покрыл крышу старыми железными листами. Нынче листы эти валялись в траве, у забора — третьего дня был сильный ветер, почти ураган, вот и сорвало. Теперь уж кто починит? Никто...

Девчонка вздохнула — жаль, их с Максом дружба особого продолжения не имела. Да и была ли она вообще? Что общего между вальяжным красавцем-выпускником и сопливой восьмиклассницей? На Макса, между прочим, и взрослые девицы засматривались... Даже учительница-практикантка... которую убили потом... Ох, были дела...

— Ну как?

На крыльцо вышла наконец Катерина — в новых белых туфлях-лодочках, в синем крепдешиновом платье в мелкий белый горошек... м-м... не то чтобы очень уж коротком, но и не длинном — на пару ладоней выше коленок.

— Ой, Катька! Ну, ты даешь... — Оглядев подругу с головы до ног, Женя восхищенно покачала головой. — Брижит Бардо — вылитая! Бабуси у колодца оценят...

— Тьфу! — Катя махнула рукой. — Вот не можешь ты без ехидства! Ну, пошли.

— Стой, — вдруг напряглась Колесникова. — То есть как это — пошли? Ты, значит, Брижит Бардо, а я — в трениках да в старой майке? Не-е... Точно домой зайду. А то как-то...

— Да, как-то не очень выходит... — подумав, согласилась Мезенцева. — Ладно, к тебе так к тебе. Зайдем.

Совсем недалеко жила Женька Колесникова, да и весь городок был не особенно-то велик. Промкомбинат, молокозавод, колхоз, леспромхоз, больница. Еще — на самой окраине — училище механизаторов, а напро-

тив — две школы. Новая — кирпичная, просторная, светлая, и старая, деревянная — рядом, на холме. В старой до сих пор учились начальные классы — в новую все не помещались. Напротив новой школы также располагался и интернат — для тех, кто уж очень далеко жил, по таким жутким дырам, куда и автобусы-то не ходили.

— Ну... зайдешь? — Женька остановилась у калитки.

Подружка покрутила головой:

— Не. Я тебя тут подожду, на лавочке. Только ты побыстрее.

— Кто бы говорил-то?

Женечка долго не задержалась — коли на прогулку, так уж ясно, чего надеть. То же, что и в клуб, особого-то выбора все равно не было. Не в школьной же форме идти? И не в трениках.

Забежав в свою комнату, девушка распахнула шкаф и быстро переделалась... Белая узкая юбка длиною... нет-нет, не мини, пусть самую малость, но подлиннее. К юбке — светло-голубая нейлоновая блузка с короткими рукавами, сильно напоминавшая мужскую рубашку, — предмет зависти всех девчонок школы! Еще бы — настоящий нейлон! В тон блузке — гольфики, такие же светло-голубые...

И — широкий белый ремень с большой золотистой пряжкой! Шик, блеск, красота!

Юбку и гольфики покупали вместе с сестрой в Риге, блузку привез из плавания муж сестры, старпом. Заграничная! Еще и в меру плотная — не слишком просвечивает, не надо майку поддевать — жарко. С лифчиками для Женькиной груди были проблемы — такого размера просто не выпускали, приходилось ушивать большие — смотрелось это плохо, а носилось еще хуже. Так что лучше без ничего — вот так...

Глянув в большое зеркало в дверце шкафа, Женька осталась довольна. Причесалась, подумала еще расстегнуть на три пуговики блузку... Расстегнула на две, чтобы поскромнее. Да, на две — пожалуй, вот так... Или все-таки на три? Ладно, там, по пути, видно будет...

— Ух ты! — заценила подружку Катерина. — А очки-то что, забыла?

— Ой...

Так вот и пошли под ручку по центральной — Советской — улице в направлении автобусной станции, «на площадь», как говорили в городке. Там можно было срезать путь — пройти к Дому пионеров через стадион и клуб... ну и лесочком немного, так сказать, по козьей тропе.

Появление модно одетых подружек, конечно же, не осталось незамеченным — проезжавший мимо лесовоз — солидный «ЗИЛ-157» с прицепом-ропуском — едва успел притормозить на повороте, молодой водитель засмотрелся на девушек...

Отъехавший от автостанции междугородний автобус — серебристый, похожий на огромный дирижабль «ЗИЛ-127» — притормозил, посигналил... Усатый шофер в форменной фуражке и белой рубашке с галстуком, выснувшись в окошко, помахал девчонкам рукой.

— На дорогу смотри! — Катя, усмехнувшись, помахала в ответ.

— Катька, очкиними! — вдруг напряглась Женька. — Вон бабуси с остановки идут...

— Здравствуйте, тетя Лена! Баба Матрена, здравствуйте!

— И вам, и вам здравствовать...

— Ой, какие девочки-то красавицы, ой...

— ...Курвищи, тьфу! И куда только родители смотрят? А еще, поди, комсомолки!

Хорошо, очки снять успели... А то бы еще в шпионки записали — запросто.

Последние слова подружки, конечно, не слышали... Впрочем, догадывались. Ну, ругаются бабули на молодежь — и что? Не сталинские времена нынче и не этот чертов... волюнтаризм!

Ведь как все же здорово было пройтись по городу — молодым да красивым! Все встречные мужики шеи свернули! И пусть потом их могут разобрать на комсомольском собрании, «поставить на вид», зато сейчас — как славно, как радостно-то! Как прекрасно вот так идти, ловя на себе восхищенные взгляды, радовать весь мир... и себя!

В школу, конечно, ходить в таком виде было нельзя, даже на вечера и прочие там «огоньки» да собрания. Хотя за внешним видом учащихся здесь, в провинции, следили не так строго, как в больших городах. Кто-то ходил в форме, а кто и нет — жили-то еще бедновато, далеко не каждый мог себе позволить школьную форму купить, особенно если семья многодетная, а такое сплошь да рядом.

С распущенными волосами и даже с каре в школу тоже нельзя. Женька хвостик завязывала, Катерина — косы, а многие — еще по старым временам — жиденькие «бараньи» рога-косички. Мальчишкам легче было — в парикмахерской полубокс или, там, полечку, сделал и ходи себе. Да и форма у них куда удобнее — у кого была. У девчонок же — совсем другое дело. Как царские гимназистки ходили — платье полушерстяное коричневое, неудобное — жуть! Жарко, ноги все время чешутся, еще и каждый день воротнички-манжетики отпарывай, перестирывай да обратно пришивай — вот прямо больше делать нечего! В младших классах это все мамы де-

лали, а класса с пятого уже сами... Еще и передник этот дурацкий — к чему?

Что же касается губной помады... Ну, тут не каждая старшеклассница осмеливалась даже на танцы в клуб! Соседи, не дай бог, увидят, родителям донесут... Ну а в школе с такими модницами вообще разговор короткий — половой тяпкой по губам и шагом марш в уборную — «все это позорище» смывать! То же самое касалось и туши для ресниц.

— Слышь, Жень... — Миновав площадь, Катерина хитро глянула на подружку. — Давно спросить хотела. У тебя с Алексом как? Ты это, извини, если что...

Алекс — он же Алексей (Леха) Кошкин, известный озерский стилига, учился двумя классами старше и по Женьке — все знали — вздыхал, постоянно снабжая ее самодельными пластиночками на рентгеновских снимках, «на костях». А может, и не вздыхал, может, ему просто нравилось с Колесниковой общаться: та тоже музыкой увлекалась, а «рыбак рыбака видит издалека».

Именно через Алекса Женька познакомилась не только с многочисленными рок-н-роллами, но и с «Битлз», и теперь частенько напевала «Э тест оф хани» и «Айлл фоллоу зе сан» — вот уж привязались песенки! В свою очередь, именно Женя давала послушать Алексу джаз и «французов», и не только выпущенного в СССР Ива Монтана, но и то, что в Союзе не выходило: Генсбур, Франс Галь, Франсуазу Арди. Все это богатство в виде маленьких, с большой дыркой, пластиночек для музыкальных автоматов привозил ходивший в загранку муж старшей сестры, той самой, из Риги.

Что же касается личных отношений... то, их, пожалуй, и не было. Да Алекс особо в воздыхатели и не напра-

шивался, скорее, ему было просто приятно с Женькой общаться, ну, с кем еще-то практически единственный в Озерске стилиага мог поговорить о Гленне Миллере или сравнить Билла Хейли с Элвисом Пресли. Теперь вот «Битлз» прибавились...

Наверное, в Озерске о них только двое и знали — Женька и Алекс. В прошлом году они даже как-то вместе пришли в библиотеку, в читальный зал, где читали ругательную статью о «Битлз», напечатанную в журнале «Крокодил». Статья называлась «Жучки-ударники и жук-претендент», в ней «Битлз» почему-то сравнивались с сенатором Барри Голдуотером, и предсказывалось, что «жучки» не смогут долго продержаться на гребне успеха: «не тот калибр».

На эту тему юные озерские меломаны даже заспорили: Алекс утверждал, что «Битлз» еще себя покажут, Женька считала, что «поживем — увидим». Тем не менее те битловские песенки, что она слышала, девчонке очень даже пришлись по душе.

В прошлом году в «Литературной газете» вышла еще одна ругательная статья известного композитора Никиты Богословского «Из жизни «пчел» и навозных «жуков», после чего старшая школьная пионервожатая Тая попросила Женьку рассказать о «Битлз» в таком же критическом духе на классных часах в пятых или шестых классах. Попросила со всей серьезностью, «как комсомолец комсомольца», вернее, комсомолку...

Колесникова тогда от этой почетной обязанности отказалась, заявив, что в творчестве «Битлз» не разбирается, а больше любит джаз... Ругать джаз уже было неактуально, и Тая отстала.

Алекс, не окончив десятый класс, перевелся в областное культпросветучилище. Как его туда взяли — с коком

на голове, в узеньких брючках, в ботинках на «манной каше», в модной курточке-«хулиганке»? Скорее всего, по большому благу — как-то, приехав под Новый год, Алекс проговорился про своего дядюшку-начальника...

— Никакая у нас с Алексом не любовь, если ты об этом, — замедлив шаг, улыбнулась Женя. — Мы с ним просто друзья, как и раньше. Да что говорить? Он же у нас теперь ленинградец!

— Это да-а. — Покивав, Катерина вытащила из сумочки зеркальце, посмотрелась...

Женька фыркнула:

— Да хороша, хороша!

— Ах, Женечка... Сама знаешь, сколько девок вокруг Толика вьется!

— Да уж, Анатолий Иванович — мужчина хоть куда!

Анатолий Иванович Резников появился в Озерске недавно, то ли в конце зимы, то ли в самом начале марта. Просто приехал и устроился на работу в Дом пионеров — вести фотокружок и еще на полставки — ночным сторожем. Молодой двадцатилетний красавец-брюнет с загадочно-туманным взором сразу же привлек к себе внимание всей девичьей части Озерска.

Еще бы — холостой мужчина, да еще с налетом некоей загадочности и тайны. Какой черт принес его в эти края?

Всегда чисто выбритый, пахнувший дорогим одеколоном, Анатолий Иванович (для друзей и начальства просто Толик), даже приехав в провинцию, одевался изысканно и со вкусом. Кремовый заграничный пиджак, темные зауженные брюки, штиблеты с длинными носами и светлый супермодный свитер-водолазка! Да уж, это вам не доморощенный стилига Алекс, пополнявший

свой гардероб у знакомой портнихи. Здесь сразу же угадывался утонченно-шикарный фирменный стиль...

И что такой человек потерял здесь, в Озерске? Откуда он приехал, зачем, почему? Над этими вопросами сломала голову не одна девчонка... коих новый кружковод отнюдь не чурался, но и головы не терял.

В конце концов через отдел кадров и директора, а кое-что Толик и сам рассказал, выяснилось: Резников приехал из Тарту, что в Эстонии, собственно, не так уж и далеко, почти рядом. Просто сбежал от нелюбимой жены, с которой развелся, но, как оказалось, зря! Некая загадочная возлюбленная — не жена, другая — бросила Толика ради красивой жизни, выйдя замуж за капитана торгового судна (более осведомленные говорили — за первого секретаря местного райкома партии). Как бы то ни было, несчастный молодой человек вынужден был уволиться с работы и переехать... в Озерск, потому как его бабушка или мать были отсюда родом.

— А вообще, я и рыбалку люблю, и природу фотографировать, — сразу же пояснил он директору. — А места здесь у вас — красивейшие. Да и, скорее всего, ненадолго я к вам — год-другой... Хотя, если вдруг встречу свою судьбу, кто его знает?

Директор Озерского Дома пионеров и школьников Аркадий Ильич Говоров новому сотруднику очень обрадовался: должность надо было закрыть срочно, до конца первого квартала, иначе в гороно грозились срезать ставку. Так что нового кружководом Говорову послал сам господь бог... в лице начальника отдела кадров местного горисполкома товарища Раскатова, а вот кто попросил его? Как понял Аркадий Ильич из телефонного разговора — какой-то старый знакомый, профессор из Тарту... Ну, профессор так профессор, да кто бы ни попросил —

как раз все сошлось! Бежавший от жизненных неурядиц Анатолий Резников нашел на какое-то время приют для своей мятущейся души, а директор Дома пионеров закрыл горящую ставку новым сотрудником.

— Ну что ж, Анатолий Иванович, хоть на какой-то срок... благодарю за откровенность. Да в иное, честно говоря, и не поверил бы... У вас образование какое?

— Четвертый курс Института культуры... Академический отпуск...

— Ага... Очень хорошо — незаконченное высшее. Только вот, Анатолий Иванович, с зарплатой у нас, сами понимаете... Ставка кружководов — семьдесят три рубля. Правда, есть еще возможность на полставки подработать ночным сторожем...

— Отлично! — Новый кружковод выглядел вполне довольным. — Так и сделаем. Да, я еще публикую свои фотографии в журнале «Советское фото». Неплохо платят.

— Да? Вот не знал...

Так и появилось в Озерске новое лицо, на женский вкус — довольно-таки симпатичное. С подачи директора новый кружковод без особого труда получил комнату в двухэтажном деревянном доме в самом начале улицы Школьной. Комната, конечно, требовала ремонта, как и сам дом, но это уже не так важно, главное — свое жильё!

Трудился Анатолий Иванович вполне добросовестно, группы набрал быстро и даже инициировал покупку новых фотоаппаратов для своего кружка. Лично ходил в исполком и выбил деньги, на которые и были приобретены четыре фотоаппарата марки «ФЭД-3» с объективами «Индустар», автоспуском и оптическим

видеоискателем с дальномером. Да уж, «ФЭД» — это вам не какой-нибудь там «Любитель» или «Школьник» — вещь серьезная!

Миновав клуб, выстроенный на пригорке сразу за стадионом уже после войны пленными немцами, девчонки обогнули песчаный карьер, немного прошли лесом и, свернув на Школьную улицу, выбрались к Дому пионеров. Не по-деревенски длинное здание, обшитое досками, с высоким крыльцом и большими светлыми окнами, располагалось на самой окраине городка, невдалеке от автобусной остановки, разрисованной местной шпаной разными непотребностями, словно какая-нибудь доисторическая пещера! Костер жгли, вино пили, заодно углем рисовали да писали разные мерзости — неандертальцы, что уж поделать. Участковый Дорожкин их гонял, но так, время от времени — ему куда более важных дел хватало. А народ жаловался — мол, с такими-то пещерными остановками мы никогда коммунизм не построим. Так ведь и не обещал никто коммунизм в ближайшем обозримом будущем! Это раньше обещали, когда волонтаризм был.

— О! — Оглянувшись на остановочную будку, Катя скривила губы и фыркнула, оценив надписи и рисунки. — «Катька дура» — это не про меня. Я ведь умная.

— Ой, опять про Бальзака... И рисунки все те же — одна похабщина, — поддакнула Колесникова. — Не лень же такое малевать? Участковый-то твой куда смотрит?

— И не мой он вовсе. — Поправив косу, Катерина махнула рукой.

Позади послышался рев мотоцикла. Судя по звуку, мотоцикл был тяжелый, не какой-нибудь там «Ковро-

вещ», возможно, с коляской даже... Трофейный немецкий «БМВ»...

Девушки обернулись. Из-за поворота выскочил милицейский «М-62», синий, с красной полосой на коляске. Выскочил и тут же затормозил, подняв тучу пыли. Подружки закашлялись.

— Здорово, девчонки! — заглушив двигатель, во весь рот улыбнулся мотоциклист, худенький симпатичный парень в расстегнутом синем кителе с погонами лейтенанта милиции и форменных галифе — участковый уполномоченный Дорожкин.

Подружки переглянулись — вот ведь, ну надо же — только вспомнили...

— Здравствуйте, Игорь... Яковлевич...

— А с остановкой я разберусь, разберусь, вычислю гадов!

Судя по этой фразе, участковый умел читать мысли!

— Вы велосипедистов тут по пути не видели?

— Не, не видели. А что?

— Да так, — погладив руль, тяжело вздохнул лейтенант. — Опять кражи пошли. И главное, воруют-то всякую дрянь и — друг у дружки. Потом друг на друга же и жалуются. У вас, кстати, тоже велики есть? Так что смотрите.

— Ну, у нас не дрянь, — обиженно прищурилась Катя. — У нас нормальные.

— Все равно внимательней будьте, где попало не оставляйте...

Налетевший ветер растрепал светлую челку лейтенанта, форменная, с красным околышем, фуражка, как всегда, валялась в коляске.

— Что, в студию не ходите больше? — искоса взглянув на Катерину, поинтересовался Дорожкин. — Сергей спрашивал.

Сергей — Сергей Валентинович — был заведующий клубом и бывший одноклассник Дорожкина. На танцевальную студию участкового загнало начальство — по присланной из райкома комсомола разнарядке, утвержденной служебным письмом Министерства охраны общественного порядка РСФСР: «В целях повышения культурного уровня сотрудников советской милиции». Министерство охраны общественного порядка (МООП) с 1960 года заменило упраздненное МВД, о восстановлении которого ходили самые упорные слухи...

Ну а где служебное письмо, там и отчеты. Деваться некуда, вот и пошел участковый в танцевальную студию! Катерина тоже пошла. Только Дорожкин — по приказу, а Катя — потому что Дорожкин. Он ей тогда нравился. Пока Анатолий Иваныч — Толик — не появился... Кстати, все говорили, очень даже неплохая пара получилась! Не только вальсы да всякие там па-де-спани танцевали, но даже и танго... «Ах, эти черные глаза-а...»

— Да некогда мне сейчас ходить, Игорь... Яковлевич. — Стрельнув глазками, Катя мило улыбнулась. — Экзамены. Готовимся вот.

— Поня-атно... Ой, может, вас подвезти? — вдруг спохватился лейтенант. — Вы куда идете?

— Да мы пришли уж. — Катя кивнула на клуб и тут же соврала: — Аркадий Ильич звал насчет практики.

— Ну, раз Аркадий Ильич... — Дорожкин тряхнул челкой и запустил двигатель. — Девчонки... ветлечебница открыта еще, не знаете?

— Не, не знаем. А зачем вам ветлечебница? Служебную лошадь выдали?

— Ха-ха! Ну, пока, шутницы! Мне еще на метеостанцию... Да, девушки, вы бурю-то помните? Ну, три дня назад была.

Катерина скривилась:

— Ой, ну скажете тоже — буря! Просто сильный ветер. Да и то недолго.

— Ой, у нас белье унесло! — припомнила Женька. — Главное, только-только развесили!

— Ха, белье! — Катя уперла руки в бока. — У нас вообще крышу сорвало!

— Крышу?! — В голосе участкового звучала какая-то непонятная радость. — Ну, ничего себе! Прямо с избы?

— Да не с избы — с сарая... — охолонула Женька. — Всего-то два ржавых листа и слетело. Максим в армии — вот и некому прибить.

— Хоть и сарай, а все равно крыша. — Узкое лицо участкового сделалось вдруг необычайно задумчивым и даже каким-то загадочным. — Катя... мне сейчас некогда, а вот после обеда заглянула бы ты в отделение? Мне тебя опросить надо... Ну, по крыше...

— Х-хо!

— Очень надо, поверь!

— Ладно, может быть, загляну.

— Вот и славненько! Ну, счастливо.

Резво рванув с места, мотоцикл скрылся за поворотом.

— Хорош гусь! — сняв очки, неожиданно нахмурилась Катерина. — Даже не сказал, как мы классно выглядим! Вот ведь тетеря. Такому и впрямь только на лошади и ездить. На хромой кобыле. Как дядюшка твой, конюх. И не пойду я ни в какое отделение, вот еще!

— Да дядюшка мой не на хромой... А к Дорожкину ты все же зайди. Сказал ведь — очень нужно.

— Чурбан тупой! Платье мое даже не заценил... и твою блузку!

Ох, вовсе не со зла не оценил девичью красоту участковый Дорожкин, не со зла. Не до того ему было: в последнюю — перед отпуском! — неделю навалилась вдруг куча дел, хоть и мелких, так ведь и их нужно было переделать, не оперу же оставлять? Хоть и мелкие дела, а сколько писанины? Два ведра чернил уйдет! Да и не отпустит начальник в отпуск, пока все дела не сданы. Вот и приходилось крутиться с раннего утра и до самого позднего вечера. Ничего, в отпуске можно будет отдохнуть — махнуть на дальние озера, в вепские непроходимые леса. Недели на две, на рыбалку! Вот где красота! И главное, ни бумаг, ни начальства, ни сроков. Эх-х...

Свернув к озеру, Дорожкин погнал мотоцикл к высохшему болоту и, удачно миновав старую гать, покати́л прямо по лугу. Там, за озером, в маленьком зеленом домишке располагалась метеостанция со всеми полагающимися приборами.

Метеоролог — женщина средних лет в рабочем комбинезоне и клетчатой рубашке-«ковбойке» деловито красила во дворе метеобудку. От своего занятия она оторвалась с неохотой и долго не могла понять, какую именно справку от нее нужно?

— А, ветер... Да не такой уж и сильный — порывами... Ну да, три дня назад. Провода вон порвало... Так написать, чтоб понятно? Указать метры в секунду?

— Да. Так и напишите — сколько. А в скобках укажите, что ветер относится к сильным.

— Хм... ну, разве только для наших мест.

После метеостанции Дорожкин заехал в столовку, взял на полтинник комплексный обед: борщ, пюре с кот-

летой, салат из квашеной капусты и компот. Столовая находилась как раз напротив ветлечебницы...

Слава богу, вислоусый ветеринар Василий все заботы участкового понял правильно.

— Курица? Конечно, птица. А вы думали кто? Хи-хи, динозавр? Ну да, иногда и летает. Недалеко, правда, но — да. Я хоть и не орнитолог, но... Осмелюсь спросить, а что, кто-то кур никогда не видал? Ах, справку... Ну, это пожалуйста.

* * *

— Анатолий Иванович? — Директор Дома пионеров поправил мешковатый пиджак. — Так он на обеде еще. Скоро придет. Вы, девочки, во дворе подождите, там ребята уже...

Во дворе, сразу же за крыльцом, человек семь ребят класса из пятого-шестого играли в «гуси-гуси, га-га-га». Встав в две шеренги напротив друг друга, сцепились за руки...

— Пятого-десятого — Стрекозу к нам сюда! Маринка, беги, чего стоишь-то?

— А? Ага!

Опомнившись, Маринка Снеткова по прозвищу Стрекоза, с тонкими косичками пигалица лет двенадцати, наклонила голову, словно бык на корриде, и отважно бросилась на прорыв. Да вот беда, по пути споткнулась и полетела в траву... Правда, тут же вскочила на ноги, заулыбалась:

— Скользко! Ой! И под ногами что-то валяется...

Под ногами валялась старая, проржавевшая местами табличка, синяя, с серебристыми буквами: «Озерский районный Дом пионеров и школьников». Озерский

район упразднили еще года два назад, райцентром стал Тянск, а Озерск — так себе городок... остался. Архив, военкомат, райком и даже редакция местной газеты «Коммунист» — все переехали в Тянск, хорошо хоть кустовая больница осталась, да еще сельскохозяйственное училище. Ну и школа — как же без нее-то?

Нынче вывеску на крыльце повесили другую: «Озерский Дом пионеров и школьников», вот так.

— Здравствуйте, ребята! И вы, девушки, здравствуйте!

Анатолий Иванович Резников наконец-то явился во всей своей красе, правда почему-то не в пиджаке и остро модной водолазке, нынче педагог был одет попроще: спортивные шаровары с кедами и синяя на короткой молнии олимпийка, которую тоже еще попробуй, достань!

Подтянутая фигура, темные волосы, волевой чисто выбритый подбородок... И дорогой одеколон — на весь двор! Ах-х... Не кружковод — артист!

Поздоровавшись с мелюзгой и отдельно поприветствовав старших, Анатолий Иванович подошел к мелкой Маринке, ласково положив ей руку на плечо:

— Ну, здрасте-пожалте! Не ушиблась?

«Здрасте-пожалте» или «здрасте-пожалста» — было такое у Резникова любимое присловье. Как у некоторых — «это самое», «б-э-э», «м-э-э», «э-э» или чего похуже.

— Не-а... Анатолий Ваныч, тут вон чего! — Мотнув головой, девочка указала на вывеску.

— А! Так это ее, верно, ветром от крыльца отнесло... Ветер-то какой был!

— Ой, у нас забор повалило!

— Это старый-то?

— Да не забор у вас и был-то!

— У нас не забор? Да я как сейчас...

— Так, стоп! Здравствуйте-пожалте! — Разняв мелюзгу, Резников торжественно поручил им вывеску. — Несите к сараю, от греха. И... куда мы сейчас с вами отправимся?

— На карьер! — хором прокричали ребята. — Фотографировать лес.

— Не, здрасте-пожалте... — Бросив взгляд на старшеклассниц, Анатолий Иванович поспешно спрятал улыбку. Уж конечно, в таком виде им не на карьер идти — на подиум!

— На карьер мы как-нибудь в следующий раз...

— У-у-у, а вы говорили — на карьер!

— Нынче мы с вами — на озеро.

— Ур-ра-а! Анатолий Ваньч, на какое озеро? На Маленькое или на Среднее?

— На Маленькое... Там луга какие! Цветы!

— Ага... А искупаться можно будет?

— Ну, здрасте-пожалте... У кого купальники есть. — Расхохотавшись, Анатолий Иванович шутливо погрозил пальцем. — Однако прошу не забывать, главная наша задача — что?

— Что?

— Научиться делать высокохудожественные снимки! Все понятно?

— Ага!

...Тогда за мной. За фотоаппаратурой... Будем снимать пейзажи и... — Тут кружковод оглянулся на девушек. — И пожалуй, портреты тоже. Прекрасно выглядите, Катерина! И вам, Женечка, эта блузка очень идет.

Девчонки смущенно зарделись. Впрочем, именно на такой эффект они и рассчитывали.

Взяв фотоаппараты, ребята всей ватагой направились к озеру. Миновав тенистую лесную дорогу, вышли на луг, тут же взорвавшийся прозрачными шариками одуванчиков. Уже распускались ромашки и клевер, прогля-

дывали кое-где первые колокольчики и разноцветные луговые фиалки, а ближе к озеру — лютики.

— Ах, что же за красота!

Шелестела, качаясь, трава, клонились к самой воде ивы, в отмутке, за камышами и рогозом, плескалась рыба...

— Все же какие красивые у вас места... А ну-ка, Женечка, снимите... Смотрите в видоискатель... Дайте больше диафрагмы... Выдержку меньше... ага... Теперь старайтесь, чтобы этот куст получился резким, а все остальное — как бы размытым... Катерина, у вас как? Получается?

— Да, вроде бы да... Анатолий Иванович, а давайте вместе сфоткаемся?

— Здрате-пожалте! Ну, говорил же — фотографироваться не люблю! Я не фотогеничный, девушки, не то что вы... Вы лучше мне про места ваши красивые расскажите. Вот, к примеру, эта дорожка куда ведет?

— Эта? На Школьную.

— А дальше?

— Дальше — на грунтовку выходит, по деревням. — Катя наморщила носик. — Там фермы еще... И усадьба заброшенная.

— Да-да — усадьба, — подхватила Женька. — Графа Возгина... Он после революции за границу сбежал граф-то, а усадьба... Там до войны лагерь полевой на сенокосах был, а сейчас ничего нет — деревни-то переселили. Но места там красивые, у меня там бабушка раньше жила.

— Точно красивые? — Покрутив объектив, Анатолий Иванович направил фотоаппарат на девушек. — А ну-ка, улыбнулись... Оп!

— Красивейшие там места! — мечтательно прикрыв глаза, протянула Женя. — Прямо глаз не оторвать! Там

ТАЙНА СТАРОЙ УСАДЬБЫ

такие пологие холмы, долины и лес. И усадьба, конечно же...

— Я почему спрашиваю, думаю, куда бы нам походом пойти, — тут же пояснил кружковод.

Подружки обрадованно переглянулись.

— Ой! С ночевкой?

— Ну разумеется. — Анатолий Иванович как ни в чем не бывало пожал плечами. — От Дома пионеров, со всей нашей мелюзгой. А вы бы — вожатыми, в качестве практики. Если хотите, конечно.

— Ой, у нас экзамены...

— Так вы уж к тому времени сладите... И помните, я как-то про практику говорил?

— Не знаю даже... — задумчиво прошептала Женя.

Ушлая подружка тут же ткнула ее локтем в бок:

— Конечно, Анатолий Иванович, пойдём! Хоть сейчас записывайте.

— Ну, вот и славненько! А то мне одному с мелюзгой тяжело... А начальство поход требует. По плану, видите ли...

Потянувшись, Резников посмотрел вдаль:

— Здравствуйте-пожалста... вот и велосипедисты...

— И кто бы это? — настороженно всмотрелась Катя. — Господи, Кротова... Ишь ты, вырядилась, ага...

Велосипедистка быстро приближалась. Дамский, с низкой рамой, велосипед, красивый, блестяще-синий, изящный, как-то не очень гармонировал с одеждой его владелицы — долговязой рыжеволосой девицы, впрочем вполне даже симпатичной.

К такому велосипеду, наверное, больше пошла бы изящная длинная юбка, блузка с цветами и шляпка... но уж никак не короткие спортивные трусы с белыми лампасами и майка, завязанная узлом сильно выше

пупка. Стройные загорелые бедра, упругий живот, угадывающаяся под майкой грудь — девушка явно знала себе цену.

Еще бы... Светка Кротова окончила десятый класс и считалась оторвой. Поговаривали, что Светка частенько дерется на танцах, да и вообще, связалась с дурной компанией, так что оторви да брось! И надо ж такому случиться, что Кротова тоже положила глаз на нового кружковод! Даже записалась в фотокружок.

— Ну вот, только ее и не хватало, — склонившись к уху подруги, рассерженно зашептала Катька. — Специально так оделась... вернее, разделась... Вот ведь зараза, а? И как только не стыдно?

— Здравствуйте, Анатолий... Девчонки, привет...

Ишь ты — Анатолий! А с девчонками через губу — «привет»...

— Еле вас нашла... Аркадий Ильич сказал, что вы к озеру... Ой, меня сфоткаете? Класс! Славно! Анатолий, а вы завтра на танцы пойдете? И я тоже пойду... Говорят, Сережа новые пластинки привез. Потанцуем!

К чести Анатолия Ивановича, надо сказать, тот держался с развязной девицей вполне корректно и ровно, не позволяя себе даже усмешки.

— Фотографироваться? Что ж, здрасте-пожалте, идем. Вон у того камня прекрасный вид... Ну, с кого начнем? Давайте с вас, Женечка. Поставьте ногу на камень... вот так, да... Снимите очки... дайте сюда... Теперь задумчиво смотрите вдаль... Оп-па! Катя, давайте снимите подружку... И вы, Светлана, улыбнитесь... Ну, улыбнитесь же! Ах, какая у вас улыбка красивая...

После таких слов Кротова аж вся расплылась!

— Анатолий... вы меня, пожалуйста, у озера снимите... И вот у тех красивых цветов...

Мелюзга между тем отважно бросилась купаться, не обращая внимания на холодную воду — на дне Маленького озера било много ключей, и водичка здесь прогревалась куда медленнее, нежели на соседнем Среднем. Зато и почище была!

Лишь один мальчишка, Ващенко Коля, не купался — сидел себе скромненько на берегу с книжкой, надвинув на нос очки. Вокруг не смотрел, на купающихся ребят не отвлекался, видно, читал что-то по-настоящему интересное, иногда даже смеялся. Ну, что с него взять — отличник, зануда, книжный червь! Так его все и звали. От природы стеснительный, худенький, со светлою челкой, Коля жил вдвоем с мамой, Валентиной Кирилловной, детским врачом, женщиной хорошей и доброй, правда слишком доверчивой. Дети звали ее тетя Валя, а многие просто — Валя, поскольку ведущему педиатру Озерской кустовой больницы не исполнилось еще и тридцати. Красивая, светлоглазая, худенькая, она привлекала многих мужчин, но, увы, один раз обжегшись, была холодна. Именно Валентина привела сынишку в фотокружок, чтобы Коля хоть с кем-то общался. Сам-то бы он ни за что не пришел — застеснялся, так бы и просидел в своей библиотеке.

— Айда нырять, парни! А вот кто до того берега? Кто?

— Ох, не утонули бы! — озабоченно спохватился Резников.

Бросив девчонок, подбежал к мосткам:

— А ну-ка, на общее фото! Быстренько вылезли, построились... Во-он у той березы... Девушки! Давайте к нам...

По возвращении домой Женька еще издали заметила белеющее сквозь дырки почтового ящика письмо. Сердце так и кольнуло — вдруг от Максима? Ну, вдруг?

Зажмурясь, девушка вытащила конверт... медленно распахнула веки...

Ну, точно — Максим!!!

Усевшись прямо на ступеньку крыльца — да черт с ней, с юбкой, — Женька разорвала конверт и...

«Женя, беда! Срочно нужна твоя помощь!»

ГЛАВА 2

Озерск. Июнь 1965 г.

Отделение милиции располагалось в приземистом деревянном здании, сильно вытянутом в длину, выкрашенном в бодрый ярко-зеленый цвет — на радость проходящему мимо люду. Рядом с милицией, с торца, виднелся пожарный водоем, именуемый местными жителями пруд. В пруду плавали утки. Как раз в этом месте центральная улица Озерска — Советская — делала резкий поворот, о чем всех водителей честно предупреждали соответствующим дорожным знаком. Однако некоторые водители постоянно на что-то отвлекались либо вообще были подслеповаты. Так, кроме уток, в пруду частенько «отдыхала» какая-нибудь автомашина, а иногда и трактор. Хорошо — неглубоко, технику доставали быстро.

Завидев оставленный у крыльца мотоцикл, Катерина Мезенцева сняла очки и, одернув платье, вошла в помещение...

— Здравсте, дядя Петя! И ты, Николай, здравствуй!

Проходя мимо дежурки, девушка вежливо поздоровалась, как и принято было в городке, где почти все друг друга знали.

— И тебе привет, Катерина. Что, брат-то пишет?

— Да пишет... Лейтенант Дорожкин на месте?

ТАЙНА СТАРОЙ УСАДЬБЫ

— Лейтенант Дорожкин на месте, — усмехнулся уса-
тый старшина. — Как раз только-только явился.

Покосившись на строгую табличку с фамилией,
званием и должностью, девушка осторожно постучала
в дверь:

— Можно?

Участковый оторвался от заваленного бумагами стола,
вскинул голову:

— А! Заходи, Катя. Чаю хочешь?

— Не, я на немножко. Чего звал-то?

— Да ты садись. — Шмыгнув носом, участковый
указал на стул и, положив перед собой чистый бланк,
обмакнул перо в ученическую чернильницу-непроливай-
ку. — Ты про крышу вашу расскажи, Кать. Ну, которую
ветром...

— А, вон ты про что! — усаживаясь на стул, хмыкнула
Катерина. — А я уж и забыла. А что, тут преступление,
что ли? По-моему, так никакого. Или ты ветер привлечь
собираешься?

— Да ладно тебе заедаться-то. — Дорожкин устало
улыбнулся. — Ты по отчеству-то у нас кто?

— Петровна.

— Значит, я, Мезенцева Катерина Петровна, одна
тысяча девятьсот...

— ...сорок девятого...

— ...сорок девятого года рождения, седьмого марта,
кажется?

— Ну да, седьмого... А ты что, забыл?

— Да не забыл — просто уточняю... Итак, в тот день
был сильный ветер... Нет! Очень сильный ветер.

— Скажи еще — ураган!

— Давай про ветер расскажи! Про то, как крышу с ва-
шего сарая сдуло...